

В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ-РОЧЕСТЕР

ДОЧЬ КОЛДУНА

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)-44

К85

Рисунок на обложке: А. И. Кукушкин

Крыжановская-Рочестер, В. И.

К85 Дочь колдуна / В. И. Крыжановская-Рочестер. —
М. : РИПОЛ классик, 2008. — 432 с.

ISBN 978-5-386-00672-3

Книги Веры Крыжановской-Рочестер — то волшебное окно, через которое мы можем заглянуть в невидимый для нас мир Тайны, существующий рядом с нами.

Этот завораживающий мистический роман — о роковой любви и ревности, об извечном противостоянии Света и Тьмы, о борьбе божественных и дьявольских сил в человеческих душах.

Таинственный готический замок на проклятом острове, древнее проклятие, нависшее над поколениями его владельцев, и две женщины, что сошли в неравном поединке за сердце любимого мужчины. Одна — простая любящая девушка, а другая — дочь колдуна, наделенная сверхъестественной властью и могущая управлять волей людей. Кто из них одержит верх? Что сильнее — бескорыстная любовь или темная страсть, беззаветная преданность или безумная жажда обладания?

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)-44**

*Издательство выражает благодарность
коллекционеру Сергееву Вячеславу Александровичу (г. Иваново)
за участие в подготовке издания*

ISBN 978-5-386-00672-3

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2008

«Ты это делал, и **Я** молчал: ты подумал,
что **Я** такой же, как ты. Изобличу тебя, и
пред глаза твои представлю (грехи твои).

Пс. 49, 21.

«Мудрость — пред лицом умного, но в
глазах безумного — на конце мира».

Притч. 17, 34.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«La religion dit: *croyez et vous comprendrez.*
La science vient vous dire: *comprenez et vous
croirez».*

*J. de Maistre**.

I

— Итак, значит, ты не хочешь положительно здесь оставаться, Иван Андреевич? Признаюсь, твое решение меня огорчает. Я надеялся, что ты пробудешь у нас хоть с месяц.

— Нет, Филипп Николаевич. Я и приехал-то, главным образом, чтобы убедить вас всех уехать из этого злополучного места, внушающего мне страх и отвращение.

Иван Андреевич был старый, заслуженный моряк. Его красивое и энергичное лицо обрамляла белоснежная седая борода; в больших серых, грустных глазах и складках рта таилось выражение горечи, указывавшей, что жизнь не избавила его от борьбы и разочарований.

— Ах, крестный, останься, прошу тебя!.. Погляди, как здесь хорошо, какой чудный вид, какой чистый, живительный воздух,— вмешалась сидевшая невдалеке молодая девушка.

* Религия гласит: уверуйте и вы поймете.

Наука говорит вам: поймите и вы уверуете.

Ж. de Mestpr.

Отодвинув тарелку с земляникой, она подбежала к нему и, по-приятельски повернув его, указала на расстилавшийся перед ними вид, в самом деле живописный.

Дом стоял на возвышенности; у ее подножия дремало озеро и на нем зеленел густо заросший остров, а сквозь кудрявую листву деревьев выглядывала остроконечная крыша какого-то здания. Темный лес опоясывал вдали горизонт и лишь с одной стороны виднелось вдали селение и голубой купол сельской церкви.

Разговор происходил на просторной террасе, уставленной цветами и растениями. Лестница в десять ступеней вела в сад, а дальше шел спуск к озеру. За богато уставленным хрусталем и серебром столом, украшенным большой вазой с цветами, сидели: хозяин дома, его жена, дочь Надя, ее крестный и старый, почтенный священник. В саду, у подножия лестницы, играли в серсо мальчик лет тринадцати и семилетняя девочка.

Хозяин дома, Филипп Николаевич Замятин, состоял директором большого банка в Киеве. Хотя ему и перевалило за пятьдесят, но это был человек полный сил. Жена его, Зоя Иосифовна, дочь крупного сахарозаводчика, принесла ему в приданое большое состояние, и богатый гостеприимный дом любезного Филиппа Николаевича, весьма чтимого за высокую честность и хлебосольство, всегда охотно посещался лучшим обществом. Имение, в котором в данное время проживали Замятини, Горки, досталось Филиппу Николаевичу в наследство. Барский дом, необитаемый перед тем много лет, был заново отремонтирован и всего недели две, как прибыла семья, чтобы лично посмотреть за приведением в порядок заброшенного и запущенного хозяйства.

— Ну, крестный, не права я? Разве один этот вид не заслуживает того, чтобы ты остался у нас, а не поддавался суеверным воззрениям, странным, по правде говоря, в наш просвещенный век. В самом деле, почему одно место злополучнее другого? — лукаво глядя на адмирала, говорила Надя.

— Надя права. Ты должен быть выше всех этих бабьих сказок, Иван Андреевич, — поддержал хозяин дочь.

— Я понимаю, тебя огорчает трагическая кончина Маруси,— продолжал он.— Но, вместо какого-то *оккультистического* влияния, не естественнее ли предположить, что на ее рассудок повлияли два столь сильных душевных потрясения, как отчаяние после потери жениха и изумление при виде его живым. Кроме того, и внезапная смерть этого болвана, Красинского, тоже могла вредно отозваться на ее молодой впечатлительной натуре.

— Если бы ты видел *то*, что я видел, и знал бы все странные обстоятельства, сопровождавшие кончину Маруси, ты изменил бы свой взгляд. Что место злополучно, вообще, и что дом — там на островке,— видел многое кое-чего, о чем современные ученые даже не подозревают, это тебе подтвердит отец Тимон.

— Ах, батюшка, пожалуйста, расскажите, что вам известно про тот дом. Кто его строил и что там происходило? Я жажду его осмотреть и, как только лодка будет починена, непременно съезжу с Михаилом Дмитриевичем в этот *тайный* дом, который дразнит любопытство своими островерхими башенками, словно «замок Спящей красавицы».

Надя подсела к священнику и стала его упрашивать поделиться сведениями о неспокойном доме.

— Что ж, я охотно расскажу все, что мне известно. Однако, рассказ мой, к сожалению, подтвердит лишь справедливость того отвращения, которое питает к здешним местам его превосходительство,— указывая на адмирала, со вздохом сожаления ответил старик.

Он задумался на мгновение, всматриваясь в островок, красовавшийся над гладью озера, подобно букету зелени.

— Самого строителя того замка на острове я не знал; а вот предместник мой, отец Порфирий, сказывал, что владелец Горок приступил к его постройке по возвращении из долгого путешествия по чужим краям. Привез он в ту пору с собой итальянца, как говорили, архитектора; а рабочие стояли на том, что, кроме того, он-де колдун, потому за ним всегда ходил по пятам черный пес, с

человеческими как бы глазами, которого все боялись. Болтали также, что у итальянца будто глаз дурной, и что когда этот гадкий черный, приземистый человечишко проходил мимо и смотрел на что-нибудь своими хитрыми, злыми глазами, то непременно случалась беда: ребяташки хворали, скотина падала, а не то пожар случался. Так что, под конец, трудновато становилось находить работников; люди бежали прочь, как только издали, бывало, завидят итальянца. Особенно худая слава пошла с тех пор, как помещик не освятил дом после окончания постройки. Потом разнесся слух, что итальянец помер и скончался на острове. А затем пошли толки, будто на острове что-то неладное делается: огни-де промеж деревьев вспыхивают по ночам, а то собака отчаянно воет; одним словом, на деревне была паника. Да и сам барин странноват стал: со дня на день худел и от людей сторонился; а полгода спустя его нашли мертвым в постели.

Поселился тут его сын с женой и сыном, мальчуганом лет тринадцати-четырнадцати. Перед тем незадолго я был сюда назначен священствовать и многократно видывал Павла Павловича Изотова. Сначала он веселый такой был и общительный; по окрестным помещикам ездил, у себя принимал и охотился; а потом вдруг домоседом вовсе сделался. Стали поговаривать, что он дни и ночи просиживает за чтением отцовских книг и бумаг; а как его супруга скоропостижно скончалась от разрыва сердца, то он и вовсе на остров перебрался. Через несколько месяцев, однако, он уехал в чужие края и сына Николая с собой увез, так мне и не довелось с ним больше свидеться.

Почти пятнадцать лет минуло, и никто из владельцев не показывался в Горках. Дом стоял заколоченным и за ним присматривали старый дворецкий Фома с женой. А на острове и подавно ничьей ноги не бывало. Павел Павлович при отъезде настрого запретил до чего-либо касаться в замке...

Шел студеный декабрь, и выдалась как-то бурная ночь; ветер свистел и выл в поле, колотя снегом в окна; стоял

трескучий мороз градусов до двадцати с лишком. Жил я еще тогда в старом церковном доме, теперь уже не существующем, и только что схоронил бедную жену. Горечь утраты тяжко легла мне на душу и я, чтобы разогнать тоску, работал почти до глубокой ночи. Заработался я раз так за полночь, как вдруг слышу — колокольцы да бубенцы звенят и будто у дома остановились.

— Господи, Боже мой!.. Должно, за мной приехали к больному, — подумал я. Потом застучали во входную дверь и слышу я в сенях разговор работника с работницей, осерчавших, что их ночью подняли. Вышел я, приказал им открыть дверь и вижу перед собой засыпанного снегом ямщика, которого какой-то барин нанял в Горки.

— А уж что с ним приключилось по дороге и ума не приложу, — рассказывал ямщик. — Жив он или помер, — не знаю. Да непогода такая стоит, что свету Божьему не видать. Вот я сюда и заверну к тебе, батюшка, помощи просить.

Осветил я фонарем внутри кибитки и вижу: откинувшись на подушках лежит с закрытыми глазами смертельно бледный молодой человек, который если еще и не умер, то, несомненно, тяжко болен. Барин, очевидно, богатый, судя по дорогой шубе и роскошным сундучку да двум дорожным мешкам. Во всяком случае, было явно невозможно тащить его две версты, да еще в такой буран. Я приказал перенести его в комнату покойной жены, в которой не жил по причине грустных для меня воспоминаний. Незнакомца уложили, и я оказал ему помощь. Он открыл глаза, но был настолько слаб, что еле мог говорить. По его указанию я вынул из дорожного мешка пузырек с каплями, которые он принял и заснул. Лицо его, несмотря на изнуренный и болезненный вид показалось мне знакомым; однако сразу я никак не мог припомнить, где и когда его видел. На другой день больной достаточно оправился, чтобы объясниться, и я, к великому удивлению своему, узнал, что мой гость — Николай Павлович Изотов, владелец Горок, а что отец его скончался года за четыре перед тем.

Он собрался было немедленно ехать в имение, но я разубедил его поселиться сразу в доме, необитаемом столько лет, и предложил, что съезжу раньше сам, дабы распорядиться истопить печи, прибрать две-три комнаты, а в помощь старому дворецкому решил определить на кухню Марфу, сестру моей работницы, ввиду того, что жена Фомы хворала.

Николай Павлович поблагодарил, согласился с моими доводами, и я уехал. Старый дворецкий был в восторге увидеть молодого барина, которого носил когда-то на руках, и бросился хлопотать. Кроме Марфы, мы взяли еще работника с работницей и стали приводить дом в порядок.

Печи были вытоплены, пыль всюду стерта, с мебели и картин сняты были чехлы и постланы ковры; словом, через несколько часов помещение в три комнаты оказалось готовым. Выбрали мы для Николая Павловича комнаты покойной его матушки, которые выходили окнами в сад. Фома сказывал, что там все осталось, как было при покойной барыне; после похорон Павел Павлович лично их замкнул, и с тех пор ничьей ноги там не бывало; потому сам он в тот же вечер перебрался уже на остров. Когда я вернулся с вестью, что все готово, Николай Павлович горячо меня поблагодарил и просил проводить его, потому что хотел ехать немедля.

Вид освещенного дома глубоко взволновал и даже обрадовал как будто больного; но он был так слаб, что мы с Фомой вели его под руки.

— А, это мамины комнаты вы мне приготовили! — взволнованным голосом сказал он.

Но едва вошли мы в спальню, как Николай Павлович остановился, точно вкопанный, и уставился на висевший в углу образ Божией Матери, перед которым Марфа зажгла лампаду. Мы подумали, что он перекреститься хочет; а тут вдруг лицо его потемнело, рот перекосило и в глазах вспыхнул безумный ужас.

— Вон!.. Вон! — не своим голосом закричал он.

И с пеной у рта Николай Павлович повалился замертво нам на руки. В этот миг массивный киот сорвался со сте-

ны и упал, а лампада с треском потухла. Нас даже дрожь прохватила, и мы оторопели от ужаса. Николай Павлович был уложен в постель, а икона вынесена в дальнюю комнату.

— Господи милостивый! Знать, баринова-то душа проклята... Я видел, будто бы черная тень метнулась к образу,— сказал Фома, вытирая стекла у киота, оставшиеся случайно целыми.

Когда я вернулся к больному, он уже пришел в себя. Привстав на подушках, он дико взглянул на пустой угол, где теперь висела только паутина, и, поманив меня к себе, еле слышно прошептал:

— Велите их немедленно вынести... все... на гостиную половину... А еще лучше возьмите в церковь... Я вам их дарю...

С трудом подавив пробудившееся во мне от этих слов отвращение, я не удержался, чтобы не заметить:

— Тяжкие, должно быть, грехи лежат у вас на совести, коли даже один вид нашей Небесной Заступницы внушиает вам ужас.

Никогда не забуду того выражения муки и отчаяния, которое отразилось у него на лице.

— Не могу... Я задыхаюсь, когда Ее вижу,— пробормотал он.

Мне стало глубоко жаль этого одинокого, больного и несчастного, видимо, человека. Я обещал исполнить его желание и увезти иконы. На прощанье он схватил мою руку, судорожно сжал ее и отрывисто пробормотал:

— Если я вас позову, отец Тимон, приедете ли вы к моему смертному одру, чтобы поддержать меня в тяжелую минуту и, может быть, даже спасти?

Несмотря на внутреннее содрогание, я обещал исполнить его просьбу и затем вышел, чтобы собрать и увезти образа. В прихожей собралась вся прислуга, ожидавшая моего выхода и объявившая, что не желает оставаться дольше в таком доме и служить «проклятому». Ну я их пристыдил, растолковал, что бесчеловечно бросать больного человека, может статься, просто умалищенного, и